

При этом истинными адресатами его мемуаров являются потомки: «Письмы сии назначиваются не для одних вас, но вкупе и для детей моих и потомков, мне так хотелось сохранить и для них память как о себе, так и о моих предках; а как для нас, потомков, мила и любопытна и самая малейшая черта из жизни наших предков, то и рассудил я заметить все, что я мог только помнить».³² Этим Болотов объясняет подробность своих записок, которые содержат самые незначительные происшествия: «А как писал я сие не в том намерении, чтоб издать в свет посредством печати, а единственно для удовольствования любопытства моих детей и тех из моих родственников и будущих потомков, которые похотят обо мне иметь сведения, то и не заботился я о том, что сочинение сие будет несколько пространно и велико, а старался только, чтоб чего не было пропущено; почему в случае, если кому из посторонних случится читать сие прямо набело писанное сочинение, то и прошу меня в том и в ошибках благосклонно извинить».³³ Из последних слов со всей очевидностью следует, что Болотов не исключал возможного чтения записок посторонними лицами, но не считал все же возможным адресовать им свой труд непосредственно. Описание его частной жизни, со всеми ее мелочами, предназначено прежде всего для тех, кому интересна именно его личность, т. е. родственникам и знакомым.

С другой стороны, имея в виду более широкий круг читателей, Болотов пишет мемуары с целью создания образа в своем роде некоего божественного избранника. Ряд эпизодов, например, таких, в которых Болотов неоднократно подвергается смертельной опасности, свидетельствует о том, что Господь хранит автора записок, что напрямую связано с его верой в Творца и добродетельным поведением: «Всякий раз, когда размышляю я о течении моей жизни и о всех, бывших со мною происшествиях, примечаю я в оной многие следы особливового божеского обо мне Промысла и вижу ныне очень ясно, что и наиглавнейшими происшествиями со мною не иначе, как неведомая рука Господня управляла...»³⁴ С этой точки зрения, мемуары Болотова могут рассматриваться как произведение в высшей степени нравоучительное, и, вероятно, именно так Болотов расценивал функцию и назначение частных записок вообще. Повествование о частной жизни имеет право на существование только в том случае, если самой *неисключительностью* может служить примером «правильного» поведения для простых смертных. При этом оно должно быть повествованием именно о частной жизни, достаточно детально описанной, так как в противном случае картина будет недостаточно полной.

Следует отметить, что Болотов никогда не делает из случаев своей жизни выводов о жизни вообще — лишь о своей собственной. Хомяков же склонен к как можно более широким обобщениям нравоучительного свойства, характерным для авантюрного романа. Подобные обобщения делаются на основании частных, бытовых ситуаций, таких, как например эпизод бегства денщика, за которым следует пространная тирада, начина-

³² Там же. С. 129–130.

³³ Там же. Т. I.

³⁴ Там же. С. 672.